

Немцы Украины в реалиях сталинской реконструкции

Тоталитарный режим, используя массовый террор, делал все возможное, чтобы найти таким действиям идеологическое оправдание. Этой цели послужил выдвинутый И. Сталиным тезис об обострении классовой борьбы в ходе строительства социалистического общества. Вскоре он был органично дополнен еще одним идейным положением – о наличии в советских республиках «ползучих» националистических уклонов. Руководство советской Украины, стремясь выслужиться перед московским центром, с особенной активностью включилось в поиски «врагов народа». Выступая на XII съезде КП(б)У, С. Косиор подчеркивал, что в Украине классовая борьба более напряженная, чем в других республиках, и враги – кулаки и националисты – более опытные и злые, чем где бы то ни было в стране. Тезис об обострении классовой борьбы стал директивным, в соответствии с ней строила свою работу пропагандистская машина тоталитарного государства.

Выступая на январском (1936 г.) Пленуме ЦК КП(б)У, руководитель НКВД Украины В. Балицкий, заявил, что, по имеющейся информации, руководство фашистской Германии делает все возможное, чтобы превратить немецкие национальные районы в опорные пункты шпионажа против СССР. Он призывал собравшихся к бдительности и решительной борьбе с такими тенденциями¹.

С еще большей настойчивостью вовлекал партийных функционеров в борьбу с «вредительством» январский (1937 г.) Пленум ЦК КП(б)У. Кандидат в члены Политбюро С. Саркисов в своем выступлении отмечал, что по делу разоблачения немцев-фашистов уже проведена большая работа, однако «немцы, которые переплелись с фашистами», расставили свои сети по большим электростанциям Донбасса. «Шестьдесят фашистских групп разоблачены НКВД. Я думаю, что мы здесь должны пойти смелее по линии высылки многих немцев из Донбасса. Они нам не нужны. Наши люди, хозяйственники, обойдутся без них. Пора. Сколько лет, как они засели в Донбассе. Нужно выслать немцев»². Заметно, что в своей эмоциональной речи докладчик объединил в одно понятие «фашисты» и немцев, которые проживали на территории Украины на протяжении столетий, и немецких специалистов, приглашенных для работы на предприятиях СССР.

В общественном сознании все больше утверждалась мысль, что немцы и представители других национальных меньшинств являются потенциальными шпионами и изменниками, вредительскую деятельность которых нужно искоренять любым способом. Властные инстанции разрабатывали формы и методы такой борьбы, находя наиболее циничные и жестокие. Их диапазон был огромным – от увольнения с работы по национальному признаку, до ареста и заключения. Уже с 1935 г. под видом проверки партийных документов начали увольнять граждан немецкой национальности с работы на больших промышленных предприятиях, особенно

оборонного характера. 3 ноября 1935 г. Харьковский обком КП(б)У принял постановление «О состоянии парторганизации и командных кадров на заводе № 135 «ХТЗ», в котором содержалось требование: «Разработать календарный план мероприятий для очистки завода от поляков, немцев, троцкистов, националистов, в первую очередь тех, что занимают командные должности»³.

Наличие немцев в руководстве предприятий, учреждений, производственных подразделов расценивалось как засоренность. Тоталитарные институции принуждали директоров предприятий собирать компрометирующие материалы для обоснования освобождений с должностей. Так же цинично фабриковались и дела шпионов и шпионско-диверсионных организаций. По мнению современных исследователей, если «разоблаченные организации, союзы и группы где-то и существовали, то лишь в воображении организаторов репрессий»⁴.

Основной удар карательных органов направлялся на немцев, которые негативно относились к созданию коллективных форм управления сельским хозяйством. За шесть месяцев 1934 г. в 240 немецких населенных пунктах органы безопасности «разоблачили» 85 фашистских организаций, арестовали 250 и осудили 150 немцев. В аппарате НКВД была создана специальная «немецкая линия», которая считалась одной из самых производительных по количеству репрессированных граждан⁵. Судебные процессы часто проводились как показательные. Так, приговор Одесского облсуда, вынесенный немецким пасторам Карл-Либкнехтовского района Крушинскому, Лорану, Гофману и Таубергеру, присутствующая на суде группа колхозников приветствовала с флагами⁶.

Особенной результативностью отмечалась работа карательных органов в местах компактного проживания немцев. Подготовленная НКВД в сентябре 1937 г. «Справка к докладу о политическом состоянии немецких районов Одесской области» информировала, что на протяжении июня–августа в области было разоблачено «49 фашистских, диверсионных и повстанческих организаций, арестовано свыше 800 человек, и из этого количества 586 по Спартаковскому, Зельцскому и Карл-Либкнехтовскому национальным районам». Для повышения эффективности репрессий предлагалось, «не ослабляя оперативного удара НКВД по разгрому подполья в немецких селах, провести массовую депортацию «контрреволюционных элементов» – выселить из немецких районов области около 5 000 семей⁷.

Кроме того, среди немцев, органами государственной безопасности проводилось несколько массовых операций, которые ставили своей целью физическое уничтожение значительной части сообщества, якобы составляющего угрозу режиму. 20 июля 1937 г. началась так называемая немецкая операция, инициированная решением И. Сталина, направленным членам Политбюро под названием «Вопросы НКВД». В нем речь шла о том, чтобы «предложить М. Ежову дать срочный приказ органам НКВД относительно ареста всех немцев, которые работают на оборонных заводах (артиллерийских, снарядных, винтовочно-пулеметных, патронных и др.), и относительно высылки части арестованных за границу. О ходе арестов и количе-

стве арестованных сообщать (ежедневно) в ЦК»⁸. На аресты было отведено пять суток, начиная с 29 июля. После проведения «особенно тщательного следствия», дела направлялись на рассмотрение военной коллегии Верховного суда СССР и Особого совещания при НКВД. Приказ не ограничивался немецкими подданными. «Вновь обнаруженных в процессе следствия немецких шпионов, агентов, диверсантов и террористов, как среди советских, так и подданных других государств, немедленно арестовать, независимо от места работы». В то же время было приказано срочно провести учет подданных Германии, которые работали в других отраслях народного хозяйства СССР, а также выходцев из Германии, которые стали советскими гражданами, но раньше работали в оборонной промышленности. На всех них необходимо было подать в НКВД СССР меморандум с компрометирующими материалами «для решения вопроса относительно ареста»⁹. В деле создания контрреволюционных групп иногда доходили до абсурда. Были даже попытки создать группу из тех граждан, которые были уличены в том, что они прослушивают немецкие радиостанции. Так, Х. Лепольд был осужден на три года исправительно-трудовых работ за прослушивание передач, невзирая на то, что он был глухим¹⁰.

Объектом давления советских спецорганов оказались и общественные объединения, особенно те, которые создавались по инициативе международных организаций для помощи голодающим и бедствующим гражданам немецкого происхождения. Те немцы, которые продолжали получать посылки и денежные переводы и не хотели сдавать их в фонд Международной организации помощи борцам революции, объявлялись контрреволюционерами и агентами немецкого фашизма. Одновременно через сеть органов госбезопасности репрессировались «провокаторы, агитаторы, корреспонденты и организаторы» обращений за зарубежной помощью, главный контингент которых составляли вымирающие от голода крестьяне. По информации председателя ГПУ Украины, на 22 мая 1934 г. было арестовано 85 таких лиц и намечено к аресту еще свыше 60¹¹. Средства, которые поступали немецким колонистам с их исторической родины, продолжали изыматься и на протяжении последующих лет. Направление денежных переводов из Германии рассматривалось властью как спонсирование деятельности на территории СССР фашистской агентуры и поддержки контрреволюционных кадров.

Постановления ЦК КП(б)У «Про немецкие районы» (декабрь 1934 г.) «Про Мархлевский и Пулинский район» (август 1935 г.) открывали новый этап борьбы с проявлениями «национализма», который включал целый комплекс мероприятий по ликвидации польско-немецкой фашистской агентуры. В июле 1936 г. Оргбюро ЦК КП(б)У признало неудовлетворительным состояние партийной и культурной работы в районах и селах с немецким населением Одесской, Днепропетровской, Киевской, Винницкой областей, и поставило задание относительно усиления массово-политической работы¹².

Следующим ударом со стороны власти, который пришлось переживать немецкому населению, была кампания выселения. Она началась сразу после постанов-

ления ЦК КП(б)У «О переселении из пограничных районов» (декабрь 1934 г.). Составлялись списки антисоветских элементов, которые подлежали выселению. На протяжении месяца было депортировано 9470 хозяйств (около 40 тыс. этнических немцев и поляков). В ноябре 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О переселении польских и немецких хозяйств из пограничной полосы», которым предусматривалось перемещение за пределы Украины до семи тысяч хозяйств¹³. Работа по выселению была тщательным образом спланирована и контролировалась органами ГПУ и НКВД Украины. Было введено регулярное информирование ЦК КП(б)У о выполнении заданий, отправлении эшелонов и тому подобное. До конца не были понятными настоящие мотивы переселения, а потому намерения власти объяснялись по-разному.

Темпы переселения были достаточно высокими. На протяжении 20–23 февраля 1935 г. было отправлено 15 эшелонов. Большинство поездов комплектовалось немцами, поляками и украинцами. Среди отправленных 20 февраля в первом эшелоне со станции Славута – 102 семьи: 60 были украинскими, 22 польскими и 20 немецкими. В эшелоне № 80014, что отправлялся в Червоноградский район Харьковской области, было соответственно 117 семей, среди которых 28 немецких. В Днепропетровскую область переселялось 24 немецких семьи¹⁴.

В конце 1934 г. государственная власть начала наступление на немецкие национальные районы. По решению Политбюро ЦК КП(б)У обкомы партии обязывались отправить в немецкие районы партийных работников для разъяснения немецкому населению, что советская власть не будет терпеть попыток антисоветской агитации, не остановится перед тем, чтобы выслать всех нелояльно настроенных граждан в отдаленные местности СССР¹⁵.

Заранее спрогнозированный и предугадываемый общественный резонанс вызвало сфабрикованное дело о широкомасштабном сговоре среди немецкого населения Украины. 16 октября 1936 г. по решению Военного трибунала Киевского военного округа было расстреляно семь руководителей «Национального союза немцев Украины». Членов организации обвиняли в «идеологической подготовке немцев Украины к предоставлению помощи фашистским войскам, активном шпионаже в интересах Германии, проведении саботажа и диверсионно-террористических актов»¹⁶.

В 1937 г. по инспирированному делу о диверсионной организации на заводе Сельхозмашстроя «Коммунар» в Запорожской области были арестованы І. Берг, В. Янцен, В. Ганзен, В. Дік. Им было предъявлено обвинение в совершении ряда диверсионных актов на промышленных предприятиях города. За разные виды так называемой шпионской деятельности на протяжении года были арестованы немцы: в Винницкой области – 155, Черниговской – 259, Николаевской – 828, Полтавской – 77, Житомирской – 1558¹⁷.

Достаточно показательны действовали спецорганы на протяжении 1936–1938 гг. в Винницкой области. Из докладной записки управления НКВД в Винницкой об-

ласти, направленной первому специальному отделу НКВД СССР, следовало, что в области из 2331 арестованного: по линии немецкой контрреволюции и шпионажу было обвинено – 160, военно-фашистским делам – 134, церковно-сектантской контрреволюции – 1330 лиц. Кроме того, еще было разоблачено и арестовано – 134 шпиона, 71 участник фашистских групп¹⁸. Особое внимание спецорганов уделялось так называемым военно-фашистским заговорщикам. Они были выявлены в системе Общества содействия армии, авиации, флота. Немало его членов обвинялись во вредительской работе, направленной на подрыв оборонной деятельности и подготовки кадров. К этой категории было отнесено 15 так называемых агентов иностранных разведок¹⁹. Было арестовано 68 лиц за якобы причастность к антисоветской организации, которая проводила вредительскую работу в колхозах, требовала открытия церквей. Органы НКВД в Виннице сфабриковали дело баптистов, которые имели отношение к немецкому консульству, получали религиозную литературу и материальные средства²⁰.

Спецорганами использовалась также тактика оперативной зачистки от антисоветских элементов регионов, где компактно проживали немцы. В 1936–1937 гг. такая работа была проведена в Днепропетровской области. Немцы Г. Дегеш из с. Блюмпорт Молочанского района обвинялся в том, что, работая кузнецом в колхозе, якобы входил в руководство немецкой молодежной группой, которая ставила своей целью организацию террора против партийного и советского актива. Арестованному в Ново-Николаевском районе О. Гаусу выдвигалось обвинение в проведении антисоветской агитации среди колхозников и попытке создать боевые повстанческие формирования. На протяжении 1937–1938 гг. в области было арестовано 3689 немцев. За семь месяцев 1938 г. – 2648 лиц²¹.

Шпионов и контрреволюционеров среди немцев сотрудники НКВД находили во всех отраслях народного хозяйства. В 1937 г. на железнодорожном транспорте Днепропетровское УНКВД репрессировало «по немецкой контрреволюции»: на вагоноремонтных заводах 76 немцев, на внутризаводском транспорте – 17, на других железнодорожных объектах 64 человека. На заводах «Криворожсталь», «Коммунар», по версии НКВД, находился штаб контрреволюционной организации, которая была связана с немецким консульством в Харькове, имела штурмовые отряды в немецких колониях (Хортица, Широкое, Водяное), а также боевую группу, которая готовила террористический акт против секретаря ЦК КП(б)У Н. Хрущева²².

Немецкая военно-фашистская организация также была «выявлена» и в Донецкой области. Органы НКВД «установили», что она возглавлялась немецкими разведчиками: М. Зоммером – бывшим членом ВКП(б), А. Гольцем, В. Бехте-Блатчиком – членами Компартии Германии, которые находились на Украине как политэмигранты, К. Мартенсом – в прошлом одним из лидеров меннонитского движения, И. Шмунком – инструктором по делам нацменьшинств областного отдела народного образования. Целью организации, по мнению следователей, была подготовка к антигосударственным действиям в условиях будущей войны. Все они были арестованы²³.

Достаточно «плодотворно» спецорганы работали на Южно-Донецкой железной дороге. Из докладной записки органов ГПУ «Об итогах работы по ликвидации и разгрому контрреволюционных формирований и антисоветских элементов на Южно-Донецкой железной дороге» видно, что по фактам так называемого немецкого шпионажа, были сфабрикованы четыре дела. Первое из них «Местные», органами НКВД связывалось с группой контрреволюционеров, которая действовала на Илловайском и Ясиноватском железнодорожных узлах, во главе с работниками станции Илловайская К. Найманом и Р. Бродом. Ее деятельность связывалась с «Национальным союзом немцев Украины» и направлялась якобы на подготовку террористических актов относительно деятелей ВКП(б) и Советского правительства, путем сбора шпионских данных и организации аварий. Военным трибуналом было осуждено 105 человек.

Дело «Гаак и другие» было построено на таких вымышленных фактах: «На Ворошиловградском железнодорожном узле действовала организация в составе 20 чел. во главе с немецким шпионом Гааком и местным учителем Кохом, которая планировала подготовку катастрофы поезда в день 20-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». Все подозреваемые были арестованы²⁴. Всего за годы «великой чистки» в Донбассе было арестовано 4265 немцев, из которых расстреляно 3608 (84,6%)²⁵.

Операции по ликвидации военно-фашистских заговоров коснулись и военнослужащих немецкой национальности. Начальник политотдела 13-й авиабригады, которая дислоцировалась в Днепропетровской области, А. Гамп-Томский был арестован и расстрелян за причастность к подполью в Красной Армии. По делу «А. Вейнингер» был обвинен и расстрелян на основе фальшивой доказательной базы начальник штаба 123 стрелкового полка О. Борнштедт²⁶.

Репрессиям подвергалась и молодежь. У НКВД были сформированы следственные дела, которые назывались «Враги», «Родственники», «Наследники». Обвинения базировались на вымышленных фактах общения молодых людей с так называемыми бывшими людьми: кулаками, контрреволюционерами, которые несли потенциальную опасность существующему строю. По делу «Югенд» сотрудники НКВД арестовали шесть молодых людей, которые якобы ставили целью вербовку повстанческих кадров. Фигурант дела «Кампф» Г. Маерченко, среди других 12 юношей, обвинялся в том, что как сын «репрессированного резидента немецкой разведки», переписывался с немецким «Товариществом по предоставлению помощи немцам, которые проживали в СССР»²⁷.

В 30-е годы XX века немцы Украины стали объектом массовых репрессий, уточненных по форме и разнообразных по методам исполнения. Для этого тоталитарная власть предоставила полную свободу спецорганам для широкомасштабных политических чисток. В отношении немецкого этноса, как «чуждой нации» применили всю силу государственной машины подавления. Фабриковались ты-

сдачи уголовных дел, использовались жестокие методы наказаний. С одинаковой силой репрессии проходили на уровне регионов, городов и сел.

Еще в процессе раскулачивания проявилось два вектора социально-экономического противостояния: стремление сверху ускоренными темпами структурировать советское село, что должно было отвечать перспективам строительства нового общества и спонтанное, зачастую, неосознанное противостояние со стороны населения. С 1933 года значительно расширился список чуждых элементов, в который добавили сельскую контрреволюцию и иностранных колонистов. Треть арестованных по линии иностранных колонистов были немцы. По обвинению в шпионаже был обвинен каждый семьдесят первый немец Украины. С 1934 г. из отчетов ГПУ исчезли такие группы обвиняемых как сельская контрреволюция, иностранные колонисты, но появилась новая формулировка, в соответствии «с требованиями времени», «националистическая контрреволюция». Из общего числа арестованных на украинских территориях за контрреволюционную деятельность – немцы составляли треть. Одновременно существенно выросло количество немцев, арестованных за шпионаж. Это был каждый одиннадцатый. В период «великой чистки» 1937–1938 гг. первое место по политическим статьям занимали представители так называемых национальных линий (специфическая профессиональная терминология органов госбезопасности). По «немецкой линии» было арестовано 22400 чел.

Немцы составляли достаточно значительную группу среди репрессированных этносов. По количеству арестованных они находились на пятом месте, после украинцев, евреев, русских и поляков. По классификации преступления распределялись как контрреволюционная деятельность, уголовные преступления, должностные, экономические. Немцев осуждали за участие в кулаческих группировках, сельских союзах, агитационную деятельность. Среди всех этнических групп Украины немцы находились на втором месте по количеству арестованных за белогвардейско-контрреволюционную деятельность. Вместе с тем показатели по неоконтрреволюционным преступлениям у представителей немецкого этноса были намного ниже, чем среди украинцев, русских и евреев. Среди граждан, арестованных за спекуляцию, немцы составляли лишь 0,6%, за злоупотребление служебным положением – только 1%, за взяточничество – 0,9%, растраты – 0,8%, халатность – 2,2%, бесхозяйственность – 0,4%²⁸.

На протяжении 1928–1931 гг. общая численность репрессированных немцев выросла в 4,1 раза: за контрреволюционные преступления соответствующие цифры выросли в 7,8 раза, за должностные – в 3,3 раза, в то время как абсолютные показатели роста количества уголовных преступлений выросли всего лишь в 1,2 раза. В 1933 году количество арестованных немцев стремительно увеличилось, что обуславливалось плановыми «оперативными ударами» спецорганов. С 1934 года произошло перераспределение акцентов этнической направленности репрессий. В работе органов ГПУ начала проявляться региональная специфика.

Существенно активизировали свою деятельность его пограничные и транспортные структурные подразделения. Именно они провели 29,0%, 18,8%, 18,2%, 14,1% всех арестов украинских немцев в Донецкой, Днепропетровской, Одесской и Киевской областях. В абсолютном выражении это количество уступало лишь числу арестованных по политическим статьям украинцам. В 1934–1936 гг. эти печальные цифры, характеризующие давление системы на немецкоязычный социум, выросли на 12,4%, тогда как относительно украинцев уменьшились на 13,1%, а русских на 4,5%²⁹.

Согласно директивным документам НКВД СССР проводились оперативный учет и аресты немцев, которые не были гражданами СССР. Из отчетов областных управлений НКВД видно, что в течение 1937 года было репрессировано 16 228 (10,2%) немцев³⁰. Совершенно понятно, что на территории Украины не было такого количества немцев-иностранцев и таким образом в тиски попадали обычные украинские немцы. Немцы заняли скорбное третье место среди репрессированных по политическим мотивам на Украине, пропустив вперед только украинцев и поляков. Причем при относительном сопоставлении эти цифры просто ужасают. Если численность немецкого населения УССР довоенной поры достигала 1,4% от общего количества населения республики, то часть репрессированных достигла – 10,2%.

Неравномерно распределялись антинемецкие репрессии и по областям Украины. Как кажется, это было связано в первую очередь с насыщенностью некоторых регионов республики промышленными предприятиями и, соответственно, высококвалифицированными кадрами, среди которых был высокий процент представителей немецкого этноса. На первом месте по количеству репрессированных оказалась Донецкая область – более трети всех репрессированных, на втором – Днепропетровская – более пятой части. В тройку вошла и Одесская область.

На основе изучения архивных источников, анализа историографического наследия по данной печальной проблематике, сопоставления количественных данных, можно сделать определенные обобщения и предположения.

По-видимому, советские немцы исходя из собственной экономической самостоятельности, культурной независимости, специфических черт ментальности вызывали у компартийной верхушки советского государства особые опасения и недоверие, что послужило началом социально-экономического и политического давления на этнос. Эта репрессивная по своей сути политика из года в год приобретала просто нечеловеческие формы. Более всего во время сталинской модернизации пострадала интеллектуальная и экономическая элита немцев Украины, а также немецкоговорящие конгломераты крупных промышленных регионов республики, и это несмотря на крайне низкий уровень правонарушений и преступлений, наказуемых в уголовном порядке и совершаемых представителями немецкого этноса.

¹ См.: Центральный державний архів громадських об'єднань України (Центральный государственный архив общественных организаций Украины – далее ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 7. Д. 472. Л. 69–70.

² Німці в Україні. 20–30-і роки ХХ ст.: 36. документів і матеріалів. К.: Інститут історії України НАН України, 1994. С. 12–13.

³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 39. Л. 240.

⁴ Євтух В.Б., Чирко Б.В. Німці в Україні (1920-і – 1990-і роки). К.: ІНТЕЛ, 1994. С. 65

⁵ См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. К.–Тернопіль, 1999. С. 68, 125

⁶ См.: Німці в Україні. 20–30-і роки ХХ ст.: 36. документів і матеріалів. К.: Інститут історії України НАН України, 1994. С. 187–188.

⁷ См.: Німці в Україні. 20–30-і роки ХХ ст.: 36. документів і матеріалів. К.: Інститут історії України НАН України, 1994. С. 195, 200.

⁸ [6, С. 103] Нікольський В.М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження: Монографія. Донецьк, 2003. С. 103.

⁹ Нікольський В.М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження: Монографія. Донецьк, 2003. С. 104.

¹⁰ См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. К.–Тернопіль, 1999. С. 87.

¹¹ См.: ЦДАГОУ. Ф.1. Оп. 20. Д. 6426. Л. 23.

¹² См.: Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины). Ф. 1. Оп. 6. Д. 375. Л.295; Оп. 16. Д.11. Л. 295.

¹³ См.: Кравченко М.М. Доля німців в Україні // Трибуна. 1993. №3. С. 24.

¹⁴ См.: Державний галузевий архів Міністерства внутрішніх справ України (Государственный отраслевой архив Министерства внутренних дел Украины). Ф. 16. Оп. 28. Д. 27. Л. 5–67.

¹⁵ См.: ЦДАГОУ. Ф.1. Оп. 16. Д. 11. Л. 294–295.

¹⁶ Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. К.–Тернопіль, 1999. С. 91–92.

¹⁷ См.: Державний галузевий архів служби безпеки України (Государственный отраслевой архив службы безопасности Украины – далее ДАСБУ). Ф. 42. Д. 31. Л. 167, 169, 173, 175, 177.

¹⁸ См.: Там же. Л. 35, 38.

¹⁹ См.: Там же. Л. 39.

²⁰ См.: Там же. Л. 59.

²¹ См.: Там же. Л. 11, 61–69.

²² См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. – К.–Тернопіль, 1999. С. 99–110.

²³ См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. – К.–Тернопіль, 1999. С. 112.

²⁴ См.: Там же. Л. 310–311.

²⁵ См.: Лихолобова З. Найбільша чистка в Донбасі // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 995. №12. С. 179.

²⁶ См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. – К.–Тернопіль, 1999. С. 106.

²⁷ ДАСБУ. Ф. 42. Д. 2. Л. 115.

²⁸ См.: Там же. Л. 3–4.

²⁹ См.: Там же. Д. 10. Л. 30; Д. 13. Л. 34; Д. 8. Л. 3; Д. 26. – Л 11.

³⁰ См.: Нікольський В.М. Указ. соч.